

Хабаров Александр Владимирович,
*генеральный директор ООО «СтройПерспектива»,
кандидат юридических наук, доцент
habarova@mail.ru*

Хабарова Елена Анатольевна,
*доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Тюменского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
e.a.khabarova@utmn.ru*

УДК 343.2

СОСТАВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ КАК ФОРМА КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ

Аннотация. Использование в уголовном законодательстве России конструкции состава преступления с административной преюдицией в последние годы стало рассматриваться как важный инструмент криминализации и декриминализации деяний, привело к формированию нового уголовно-правового института. Такая конструкция уже стала предметом правовой оценки со стороны Конституционного Суда Российской Федерации. С учетом сложившихся реалий представляется важным надлежащее правовое «освоение» такой конструкции: формирование единообразного подхода к законодательному описанию признака административной наказанности, правовая регламентация общих признаков предикатных деяний (требований к ним), характеристика правоприменительных актов о привлечении к административной ответственности, образующих состояние административной наказанности для целей рассматриваемого института, регламентация периода времени, в течение которого совершается повторное правонарушение.

Ключевые слова: административная преюдиция, криминализация, декриминализация, административная наказанность, предикатное деяние.

Khabarov Alexander Vladimirovich,
*General Director of StroyPerspektiva LLC,
Candidate of Law, Associate Professor*

Khabarova Elena Anatolyevna,
*Associate Professor of the Department
of Criminal Law Disciplines,
University of Tyumen,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

ELEMENTS OF CRIMES WITH ADMINISTRATIVE PREJUDICE AS A FORM OF CRIMINALIZATION AND DECRIMINALIZATION OF SOCIALLY DANGEROUS ACTS

Abstract. The use in the criminal legislation of Russia of the construction of the corpus delicti with administrative prejudice in recent years has been considered as an important tool for criminalization and decriminalization of dangerous acts, has led to the formation of a new criminal law institution. Such a construction has already become the subject of legal assessment by the Constitutional Court of the Russian Federation. Taking into account the prevailing realities, it seems important to properly “master” such a construction: the formation of a uniform approach to the legislative description of the sign of administrative punishment, the legal regulation of the general signs of predicate acts (requirements for them), the characteristics of law enforcement acts on bringing to administrative responsibility that form the state of administrative punishment for the purposes of the institution in question, the regulation of the time period during which who is being committed a repeat offense.

Keywords: administrative prejudice, criminalization, decriminalization, administrative punishment, predicate act.

При принятии Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года (далее — УК РФ) законодатель решил отказаться от существовавшей ранее конструкции составов преступлений с административной преюдицией: возобладала точка зрения, что количество

совершенных проступков не переводит их в иное качество — преступление, т. к. повышается не степень общественной опасности совершенного деяния, а степень опасности совершающего данное деяние лица¹. Однако, спустя 13 лет все начало возвращаться на круги своя, а с 2014 года круг составов преступлений с административной преюдицией стал расширяться с невообразимой быстротой: к концу 2022 года их количество достигло 34. Н. А. Лопашенко этот процесс внедрения составов с административной преюдицией образно назвала «ползучей интервенцией»².

Включение рассматриваемых норм в УК РФ является инструментом реализации двух противоположных направлений уголовной политики — криминализации и декриминализации общественно опасных деяний. Именно на декриминализацию как цель института административной преюдиции обычно ссылаются инициаторы его рецепции: частичная декриминализация имеет место, когда путем введения условия о предварительном привлечении лица к административной ответственности сужаются рамки уже предусмотренных законом уголовно наказуемых деяний³. В действительности лишь 7 норм о преступлениях с преюдицией (ч. 1 ст. 116.1, ч. 1 и 2 ст. 157, ч. 1 ст. 193, ч. 1 и 2 ст. 280.1, ч. 1 ст. 282 УК РФ) именно устраняли преступность некоторых деяний, которые на момент изменения уголовного закона признавались наказуемыми, одновременно вводя за них администра-

¹ Безверхов А. Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 48–53; Иногамова-Хегай Л. В. Современные тенденции криминализации и декриминализации в российском уголовном праве // Уголовное право. 2017. № 4. С. 53–55; Коробев А. И., Ширшов А. А. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. 2017. № 4. С. 68–72; Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве — нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 64–71.

² Лопашенко Н. А. Составы преступлений с административной преюдицией — «свои среди чужих»? // Российский следователь. 2022. № 5. С. 51–55.

³ Капинус О. С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 82.

тивную ответственность (соответственно в ст. 6.1.1, 5.35.1, 20.3.2, 20.3.1, ч. 5.2 ст. 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, далее — КоАП РФ). В остальных случаях законодатель, включая в норму УК РФ такую конструкцию, криминализировал либо те деяния, которые на момент изменения УК РФ признавались административными правонарушениями (например, ст. 151.1, 158.1 УК РФ), либо те, за которые административная ответственность устанавливалась одновременно с изменением УК РФ (например, ст. 171.4, ч. 1 ст. 280.3, ч. 1 ст. 284.1 УК РФ). Первую модель криминализации предложено именовать «частичной криминализацией административных проступков», вторую — «установлением публично-правовой ответственности с межотраслевой дифференциацией»¹.

Нормы УК РФ, предусматривающие ответственность за преступления с административной преюдицией, уже несколько раз проверялись на предмет их соответствия Конституции РФ. Наиболее важные выводы по данным вопросам сделаны в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) от 10.02.2017 № 2-П по делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 УК РФ и от 08.04.2021 № 11-П по делу о проверке конституционности статьи 116.1 УК РФ. КС РФ было подтверждено правомочие федерального законодателя прибегать к институту уголовной ответственности за деяния, имеющие специальную административную наказанность; одновременно определен ряд критериев, при соблюдении которых допустима криминализация с использованием такого инструмента.

С учетом сложившихся реалий представляется важным сосредоточиться не на огульной критике конструкции составов преступлений с административной преюдицией, а на надлежащем ее «освоении» уголовным законодательством, определении круга общих вопросов, требующих правовой регламентации и содержания такого регулирования.

¹ Карабанова Е. Н., Цепелев К. В. К вопросу о перспективе использования административной преюдиции в уголовном праве России // Российская юстиция. 2020. № 11. С. 58–59.

1. Единообразие законодательного описания признака специальной административной наказанности в нормах Особенной части УК РФ.

В действующих нормах УК РФ используется несколько способов описания признака административной наказанности лица, что обоснованно подвергается критике¹. В большинстве норм говорится о «лице, подвергнутом административному наказанию». В других случаях используется формулировка «совершенное после привлечения к административной ответственности» или «ранее привлекалось к административной ответственности» (ч. 1 ст. 280.1, ч. 1 ст. 280.3, ч. 1 ст. 282, ст. 284.2, ч.ч. 1 и 2 ст. 330.1, примечания к ст. 212.1, 314.1 УК РФ). В ряде норм (например, ст. 151.1, ч. 1 и 2 ст. 157 УК РФ) говорится о деянии, «совершенном неоднократно» (с уточнением в примечаниях к статьям, что понимается под неоднократным деянием).

Представляется, что такая вариативность при указании в УК РФ одной и той же конструкции не может считаться оправданной, т.к. создается иллюзия вкладывания в соответствующие положения закона разного смысла. Использование термина «неоднократно совершенное деяние» применительно к преступлению с административной преюдицией еще и создает вопросы о соотношении данной конструкции с другими составами преступления (ст. 154, ч. 1 и 2 ст. 180 УК РФ), в которых используется аналогичная формулировка.

Законодателю целесообразно определиться с единым термином, который будет использоваться в нормах Особенной части УК РФ для обозначения состава преступления с административной преюдицией. Если для такой цели будет избрано понятие «неоднократного совершения» деяния, от него следует отказаться при обозначении в УК РФ любых других случаев множественности деяний, а также дать ему

¹ Баранова С. А. Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия: особенности конструкции преюдициального состава // *Российский следователь*. 2021. № 7. С. 31–32; Иногамова-Хегай Л. В. Указ. соч. С. 54; Незнамова З. А. Преступления с административной преюдицией в Уголовном кодексе РФ: коллизии межотраслевого регулирования // *Российское право. Образование, практика, наука*. 2015. № 6. С. 20–25.

соответствующее определение в Общей части УК РФ (не повторяя в каждой норме Особенной части УК РФ).

2. Характеристики предикатных деяний.

Требования к предикатному деянию (административному правонарушению, за которое лицо было подвергнуто административному наказанию на момент совершения нового) связываются со следующими его характеристиками: 1) степень опасности (вредности) такого деяния; 2) аналогичность (однородность) этого деяния с вновь совершенным (тем, которое рассматривается уже как основание уголовной ответственности); 3) количество правонарушений (предикатных деяний).

В постановлении КС РФ от 10.02.2017 № 2-П изложена правовая позиция, согласно которой кумулятивным эффектом, свидетельствующим о возможности криминализации их повторного нарушения, обладают лишь те правонарушения, которые по степени своей общественной опасности тяготеют к уголовно наказуемым деяниям (но более четких критериев не установлено). Представляется, что уголовным законом должны быть прямо определены признаки (критерии) правонарушений, которые могут выступать как предикатные для составов преступлений с административной преюдицией. В условиях отсутствия законодательной категоризации административных правонарушений по степени их опасности (вредности) критерием может выступать вид и размер административного наказания, который предусмотрен за соответствующее деяние (либо фактически назначен за совершенное правонарушение). Анализ санкций норм КоАП РФ об ответственности за предикатные правонарушения, показывает, что среди них достаточно таких, которые содержат административное наказание только в виде административного штрафа в размере до 200 тысяч рублей и менее (например, ч. 1, 2 ст. 7.29.2, ч. 2.1 ст. 14.16, ч. 1, 2, 2.1 ст. 14.55, ч. 1, 2 ст. 20.3.2, ч. 1, 2 ст. 20.3.3, 20.3.4 КоАП РФ), что позволяет усомниться в обоснованности отнесения их к «тяготеющим по степени опасности к преступным деяниям».

Большинство рассматриваемых норм УК РФ прямо о количестве предикатных деяний не говорит, предполагая достаточным еди-

ничный факт привлечения к ответственности за административное правонарушение. Исключение составляют ст. 212.1, ч. 2 ст. 314.1, ч. 1 и 2 ст. 330.1 УК РФ (условием уголовной ответственности по которым является привлечение лица ранее к административной ответственности два раза или даже более двух раз). Однако, нередко «удвоение» количества предикатных деяний и фактов привлечения лица к административной ответственности производится опосредованно: предусматривается, что лицо подвергнуто наказанию за административное правонарушение с признаком повторности: по ч.2 ст. 14.56 КоАП РФ (на нее ссылается ч. 5 ст.171 УК РФ), ч.7 ст. 12.9 и ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ (ч. 1 ст. 264.2 УК РФ), ч. 4 ст. 12.7 КоАП РФ (ч. 1 ст. 264.3 УК РФ) и др. Иными словами, простая повторность правонарушений остается административно наказуемой (влечет ответственность по норме с квалифицированным составом).

Такая юридическая конструкция выглядит предпочтительнее. Во-первых, не возникает вопроса о необходимости сохранения административной наказанности по первому факту привлечения лица к административной ответственности на момент совершения последнего из деяний (важно, чтобы лицо считалось подвергнутым административному наказанию именно за правонарушение с признаком повторности). Во-вторых, образуется логическая ступенчатая конструкция ужесточения наказания.

3. Требования к правоприменительному акту о привлечении лица к административной ответственности.

В качестве обязательного условия для уголовной ответственности по ст. 212.1 УК РФ постановление КС РФ от 10.02.2017 № 2-П назвало подтверждение предшествующих фактов совершения правонарушений вступившими в законную силу судебными актами о привлечении соответствующего лица к административной ответственности. Такое требование к правоприменительному акту в известной степени опровергает один из традиционных упреков к конструкции преступления с административной преюдицией: снижение уровня защиты прав граждан, т. к. привлечение к административной ответственности осуществляется в упрощенном и, как правило, внесудебном порядке.

Рассмотрение дел о подавляющем большинстве административных правонарушений, которые могут рассматриваться как предикатные деяния, и в настоящее время отнесено ч. 1 ст. 23.1 КоАП РФ к исключительной компетенции судей (исключением являются дела по ч. 1, 2 ст. 7.29.2, ч. 1, 2, 2.1 ст. 14.55 КоАП РФ; альтернативная подведомственность предусмотрена применительно к ч. 2.1 ст. 14.16, ч. 1 ст. 19.24, ч. 2 ст. 20.17 КоАП РФ). Представляется необходимым прямо закрепить в УК РФ положение о том, уголовная ответственность за соответствующие деяния может наступать, если лицо было ранее подвергнуто административному наказанию именно судебным актом.

4. Период времени, в течение которого должно быть совершено деяние, образующее состав преступления с административной преюдицией (временные рамки состояния «административной наказанности» лица).

Вопрос о пределах временного периода, до истечения которого должно быть совершено новое правонарушение, образующее основание уголовной ответственности, решается в соответствии со ст. 4.6 КоАП РФ: согласно ч. 1 данной статьи по общему правилу лицо признается подвергнутым административному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления, т. е. этой нормой не урегулирован прямо вопрос об определении периода «административной наказанности» для случаев, когда исполнение такого постановления было прекращено по основаниям, установленным ст. 31.7 КоАП РФ. К основаниям прекращения исполнения относятся, в частности, смерть лица, отмена постановления о назначении административного наказания, признание утратившим силу закона, устанавливающего административную ответственность за содеянное. После наступления таких оснований лицо сразу не должно считаться подвергнутым административному наказанию (в частности, поскольку новый закон, устраняющий административную ответственность за деяние, имеет обратную силу согласно ч. 2 ст. 1.7 КоАП РФ).

По-другому в судебной практике решен вопрос о периоде «административной наказанности» в случае истечения срока давности

исполнения постановления о назначении административного наказания (п.4 ст. 31.7, ст. 31.9 КоАП РФ). Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) в п.11 постановления от 27.04.2021 № 6 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей»¹, п. 22 постановления от 25.06.2019 № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»² фактически сформулировал новое правовоположение (отсутствующее в КоАП РФ), согласно которому лицо считается подвергнутым административному наказанию весь двухлетний период течения срока давности исполнения постановления о назначении административного наказания (хотя бы оно все это время не исполнялось), а затем еще в течение года после этого. Даже в уголовном праве сходная ситуация применительно к судимости разрешается в более мягком варианте, поскольку в случае истечения срока давности обвинительного приговора суда (установленного ст. 83 УК РФ) лицо признается несудимым именно с этого момента, а не после дополнительного истечения срока погашения судимости (ч. 2 ст. 86 УК РФ, п. 3 постановления Пленума ВС РФ от 07.06.2022 № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости»³). Если иное прямо не будет закреплено в законе, состояние административной наказанности должно считаться прекращенным в случае прекращения исполнения постановления о назначении административного наказания, в т. ч. после истечении срока давности его исполнения.

В отличие от большинства других норм Особенной части УК РФ,

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2021. № 6. С. 2–5.

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 9. С. 23–39.

³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 8. С. 2–5.

предусматривающих составы преступлений с административной преюдицией, в ч. 1 ст. 280.1, ч. 1 ст. 280.3, ч. 1 ст. 282, ст. 284.2 УК РФ прямо говорится о совершении лицом нового деяния «после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года». Буквальное грамматическое толкование данной формулировки не может быть никаким иным, нежели предполагающим, что составы рассматриваемых преступлений образуются только в случае совершения нового противоправного деяния в течение одного года, исчисляемого с момента привлечения лица к ответственности, т.е. с момента вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания. На такой же вывод ориентирует и сам факт прямого указания в этих нормах УК РФ продолжительности срока, в течение которого должно быть совершено новое противоправное деяние (чего не нужно было бы делать, если бы этот вопрос подчинялся общему правилу о необходимости совершения такого деяния в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию). В этой связи, трудно согласиться с обоснованностью вывода Пленума ВС РФ (в абзацах втором и пятом пункта 8.2 постановления от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»¹), ориентирующего на применение указанного общего подхода и в отношении деяний, предусмотренных ст. 280.1 и ч. 1 ст. 282 УК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранова, С. А. Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия : особенности конструкции преюдициального состава / С. А. Баранова. — Текст : непосредственный // Российский следователь. — 2021. — № 7. — С. 30–33.
2. Безверхов, А. Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России / А. Г. Безверхов. — Текст : непосредственный // Российская юстиция. — 2012. — № 1. — С. 48–53.

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 8. С. 3–8; 2021. № 12. С. 4–7.

3. Иногамова-Хегай, Л. В. Современные тенденции криминализации и декриминализации в российском уголовном праве / Л. В. Иногамова-Хегай. — Текст : непосредственный // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 53–58.
4. Капинус, О. С. Административная преюдиция в уголовном праве : проблемы теории и практики / О. С. Капинус. — Текст : непосредственный // Журнал российского права. — 2019. — № 6. — С. 78–86.
5. Карabanова, Е. Н., Цепелев, К. В. К вопросу о перспективе использования административной преюдиции в уголовном праве России / Е. Н. Карabanова, К. В. Цепелев. — Текст : непосредственный // Российская юстиция. — 2020. — № 11. — С. 57–60.
6. Коробеев, А. И., Ширшов, А. А. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции : благо или зло? / А. И. Коробеев, А. А. Ширшов. — Текст : непосредственный // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 68–72.
7. Лопашенко, Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве — нет! / Н. А. Лопашенко. — Текст : непосредственный // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2011. — № 3 (23). — С. 64–71.
8. Лопашенко, Н. А. Составы преступлений с административной преюдицией — «свои среди чужих»? / Н. А. Лопашенко. — Текст : непосредственный // Российский следователь. — 2022. — № 5. — С. 51–55.
9. Незамова, З. А. Преступления с административной преюдицией в Уголовном кодексе РФ : коллизии межотраслевого регулирования / З. А. Незамова. — Текст : непосредственный // Российское право. Образование, практика, наука. — 2015. — № 6. — С. 20–25.